

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

О МНОЖЕСТВЕ ГРАММАТИЧЕСКОЙ НОРМЫ

УДК 81

О. М. Акай

Ростовский государственный строительный университет (г. Ростов-на-Дону)

В последнее время в работах современных лингвистов по языкознанию все чаще можно встретить мнение, что норма, подходящая для каждой ситуации, просто формальность, что понятие «норма — ошибка» не совсем верно, помимо него существует понятие «норма — другая норма». Данное положение является полноценным для лексического уровня, грамматика все же по-прежнему часто видится оплотом монолитной единой нормы. Естественно и понятно, что грамматика и в частности морфология являются частью строя, который в обязательном порядке подчинен строгим правилам, отступления от которых не представляются возможными. Однако и в грамматике часто наблюдается усиление стилиевой, жанровой и функциональной дифференциации. В данной статье предпринята попытка наблюдения за подобными случаями функционального размежевания.

Ключевые слова: грамматическая норма, плюрализация, абстрактное имя, морфология, множественное число, имя существительное.

О. М. Акай

Rostov State University of Civil Engineering (RSUCE), The Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Sotsialisticheskaya str., 162, Rostov-on-Don, Russian Federation, 344022

ON THE PLURALITY OF GRAMMATICAL NORM

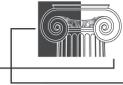
In recent years, linguistic studies are often based on the opinion that the norm which suits every situation is merely a formality, that the concept of “norm-error” is wrong and that the concept of “norm-another norm” exists in addition to it. This proposition is adequate for the lexical level, while grammar is still often viewed as the stronghold of monolithic unified norm. It is naturally clear that grammar in general and morphology in particular are part of the order which is subject to strict rules, the deviations from which are impossible. However, even in grammar we can often see the increase in stylistic, genre and functional differentiation. This article makes an attempt to study such cases of functional demarcation.

Keywords: grammatical norm, pluralization, abstract name, morphology, plural, noun.

Кроме системной нормы, грамматические формы могут быть употреблены под влиянием различных факторов, к таковым относится действие ситуативной (контекстуальной) или стилистической нормы. Так, например, формы множественного числа «спирты», «масла» часто помечаются в словарях как «спец.», а форма «плесени» — «научн.». Это означает, что подобные случаи плюрализации не попадают под действие общезыковой (системной) нормы, а в литературном языке употребляются только в единственном числе. В профессиональном же языке часто плюрализация указывает на дифференциацию объекта. Квазиабстрактные же существительные

типа «плагиаты», «теплоты», «лингвистики», «эффиры» и другие часто соответствуют стилистической норме.

Проблема адекватности нормы в современной теории языка все чаще не соотносится с объективным понятием «уместное — неуместное». Подобные противопоставления не рассматриваются нормативными словарями с пометами типа «бран.», «просторечн.», «высок.», «поэт.», «разг.», «устар.», «неценз.». Утверждение о том, что верное все, что только является уместным, в итоге, определяет целесообразность подхода к ситуативно обусловленной норме. Часто авторы, стремясь создать большую речевую образность, нарушают

строжайшие грамматические законы, однако подобные нарушения не считаются грубым отступлением от нормы, а признаются соответствующими такому типу нормы, как коммуникативный.

72 абстрактных существительных, употребляемых только в единственном числе отмечено в «Грамматике русского языка» (1953), среди них указывается слово «горе». Однако лишь 16 подобных слов отмечено в СЗ (слепота, тишина, голод). Это происходит, потому что А. А. Зализняк считает возможным образование плюральной формы от любого абстрактного существительного. Но исключения все же присутствуют, и среди исключений мы снова видим слово «горе». М. В. Панов полагает, что отсутствие множественной формы у данного существительного обусловлено объективной причиной. Некоторые абстрактные имена, которые не переосмысляются для обозначения тех или иных конкретных явлений, не могут иметь плюральной формы. Возможно: Он поделился со мной своей бедой или своими бедами, но неправильно: Он поделился со мной своими **горями** (вместо о своем горе)».

Однако, несмотря на данный факт, форма множественного числа, и форма понятная и адекватная, выступающая как средство текстообразования, — у этого слова есть. Е. Евтушенко, А. Солженицын используют форму множественного числа от «горе». В таком случае о подобном употреблении можно сказать, что оно является удачным и соответствует ситуативной или контекстуальной норме. По мнению Н. А. Сениной, лингвопрагматика в наше время, несомненно, отражается на ортологии.

В настоящее время изучение коммуникативной нормы все еще остается лишь на начальном этапе: понятие коммуникативной нормы сформулировано таким образом, что признается любое отступление от нее в случае, если подобное использование расценивается как соответствие коммуникативной норме. Это само по себе является результатом изучения.

Все больше словарей часто дают помету «доп.» — допустимое. Появляется предпоч-

тение эластичной, нежесткой кодификации. В недавнем же прошлом понимание нормы формулировалось гораздо жестче и облигаторнее. Об этом пишет В. А. Звягинцева в 1996. Однако это не должно означать потерю классической грамматической нормы среди всех вариантов нормы коммуникативной. «Терпящая к отклонению кодификация должна сама после каждого отклонения как бы пружинить обратно в стабильное, свободное от напряжения положение и внушать такую игру оттенками своему читателю» (Х. Саари, 1986).

Именно учитывая данный факт, нельзя поощрять расшатывание основ грамматического строя языка. Выбор наиболее подходящего для употребления варианта предполагает поиск наиболее адекватного средства выражения. Подобные грамматические явления часто имеют разное стилистическое значение. Здесь существенную роль играет изменчивость речевых условий и многозначность самого феномена.

А. А. Реформатский говорил о *singularia* и *pluralia tantum* как об аномалиях, проявляющихся особенно ярко в грамматике языка. По его мнению, данный феномен интереснее для стилистики нежели для грамматики. Полагаем, что данное замечание в большей степени справедливо для разряда *singularia tantum*, так как этот разряд базируется на нестойкой основе. Подобные существительные гораздо логичнее назвать доминантно-сингулярными, ибо коммуникативно-оправданное множественное число от подобных существительных образуется довольно часто.

А. К. Граудина не без основания отмечает, что для большинства абстрактных имен жесткое правило об отсутствии форм множественного числа не является в настоящее время актуальным, а представляется, скорее, глубоким анахронизмом. Самый яркий пример расхождения норм мы наблюдаем именно у категории числа, так как именно у данной категории подобным образом сложилась языковая практика. В 1968 году авторы коллективной монографии «Русский язык и советское общество» плюральные формы абстрактных имен квалифицировали как «капризно-нерегулярные», «непостоянные». В настоящее вре-

мя наблюдается существенное расширение круга таких слов в русском языке.

Встречаются отвлеченные существительные, для которых форма множественного числа является более обычной, чем форма единственного числа, например, существительное «слухи».

«Не бойтесь слухов, правда — страшнее».

Вот почему так часто говорят о возможности образования плюральных форм у абстрактных существительных вообще. Отвлеченные имена признаются в словаре СЗ как имеющие оба числа, однако с условием, что плюральная форма имеет потенциальный характер у существительных неконкретной семантики в принципе. Теоретически форма образования существует, однако практически употребляется редко или не употребляется вообще.

Подобной точкой зрения пренебрегает Д. И. Руденко, потому что в таком случае получается, что дифференциация значения абстрактного имени (семантический сдвиг) имеет грамматическую природу при образовании плюральной формы от абстрактных существительных. Однако подобные явления не обладают большой регулярностью для отнесения их только к грамматике. Все же более адекватной представляется характеристика абстрактных имен как лексико-грамматической разновидности.

Существует мнение, что плюрализация абстрактных существительных — это примета языка нового времени, отражение эволюции развития языкового строя и изменения значений лексических единиц. У экономических терминов до недавнего времени имелась форма только единственного числа без каких-либо признаков возникновения множественной формы. *Бюджет* в стране один. *Власть* советская. Сравните: *стратегия, партия, приоритет, реформа*.

Примечания

1. *Бондаренко М. Г.* Множественное поэтическое: функциональный и сущностный аспекты (на материале русской поэзии 1-й трети XX века): автореф. дис. на соиск. учен. ст. канд. филол. наук / Бондаренко М. Г. Ростов-на-Дону, 1991.

2. *Брусенская А. А.* Семантический и функциональный аспекты интерпретации категории числа в русском языке: автореф. дис. на соиск. учен. ст. д-ра филол. наук / Брусенская А. А. Ростов-на-Дону, 1994.

3. *Граудина Л. К.* Вопросы нормализации русского языка. Москва: Наука, 1980.

«К настоящему времени заметный массив подобных слов перешел в иное числовое распределение... Бюджет — согласно реальности и словоупотреблению современной эпохи стал весьма воспроизводимой речемыслительной единицей: бюджеты, субъекты РФ, местные бюджеты».

По наблюдению В. Н. Шапошникова, ключевые лексические единицы с легкостью образуют форму множественного числа, что является зеркальным отражением изменения сознания говорящего, и изменения достаточно значимого.

Для 90-х годов прошлого столетия подобные грамматические сдвиги являются знаковыми. Однако ошибочно было бы думать, что плюрализация существительных неконкретной семантики — целиком и полностью примета языка новейшего времени.

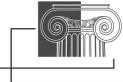
Ошибочно было бы и полагать, что «плюрализация слов осуществляется за счет примысливания вместо одного прежнего субъекта — некоторого множества возможных». Данное явление — всего лишь одна из возможностей грамматико-числовых вариаций.

Сравним несколько случаев употребления множественного числа у абстрактных существительных:

«Поэтому я хочу сказать вам — умам, честям и совестям: уйдите тихо» (В. Тихомиров. Цит. по В. П. Изотов, 1999). В данном случае имеет место конкретизация контекста, в основе которой лежит аллюзия (В. Маяковский «Партия — ум, честь и совесть нашей эпохи» — «умы», «чести», «совести» = партийная номенклатура).

Еще один пример — употребление множественного числа в другом формате:

«Правда, у Ельцина был несколько иной “рабочий материал” — “властные и номенклатурные энергии”» (Литературная газета, 2000, № 15).

4. Мощенко И. Н., Иванова М. И., Бугаян И. Ф. Типичные модели группового эмоционального восприятия политического порядка // Научное обозрение. 2013. № 2. С. 179—181.
5. Панов М. В. Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. Москва : Наука, 1968.
6. Руденко Д. И. Собственные имена в контексте современных теорий референции // ВЯ. 1988. № 3.
7. Семантика имени и семантика количества // Русский язык. Проблемы грамматической семантики и оценочные фильтры в языке. Москва : Наука, 1992.

*

АГРЕССИВНОСТЬ ЯЗЫКОВОЙ СРЕДЫ КАК ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ФАКТОР ЯЗЫКОВОГО ПОВЕДЕНИЯ

УДК 811.161.1'06

Н. М. Локтионова, О. А. Фомина

Ростовский государственный строительный университет (г. Ростов-на-Дону)

Данная статья рассматривает понятия, связанные с агрессивностью языковой среды («языковая агрессия», «языковой террор», «языковое насилие», «языковой национализм», «языковое манипулирование», «языковой экстремизм»), которые являются основополагающими факторами, формирующими языковое поведение человека. Языковое поведение, в свою очередь, определяет характер взаимодействия индивидуумов в обществе. Само терминологическое понятие «языковая агрессия» рассматривается с точки зрения лингвистической экологии и понимается в данной статье как форма речевого поведения, имеющего своей целью оскорбление или преднамеренное причинение вреда человеку, группе людей, организации или обществу в целом. В терминологической структуре языковой агрессии отчётливо и закономерно прослеживается связь термина с такими важными и общественно значимыми науками, как культурология и психология, а также социология и др. общественные науки.

Ключевые слова: лингвистическая экология, языковая агрессия, языковое поведение, языковая картина мира, языковые ценности, социальная среда, взаимодействие, социальный статус личности.

N. M. Loktionova, O. A. Fomina

Rostov State University of Civil Engineering (RSUCE), The Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Sotsialisticheskaja str., 162, Rostov-on-Don, Russian Federation, 344022

AGGRESSION OF THE LANGUAGE ENVIRONMENT AS THE DEFINING FACTOR OF LANGUAGE BEHAVIOR

This article considers the concepts connected with aggression of the language environment (“language aggression”, “language terror”, “language violence”, “language nationalism”, “a language manipulation”, “language extremism”) which are the fundamental factors forming language behavior of the person. Language behavior in turn defines nature of interaction of individuals in society. The terminological concept “language aggression” is considered from the point of view of linguistic ecology and understood in this article as the form of the speech behavior having the purpose an insult or deliberate infliction of harm to the person, group of people to the organization or society in general. In terminological structure of language aggression is distinctly and naturally traced communication of the term with such important and socially significant sciences as cultural science and psychology, and also sociology, etc. social sciences.

Keywords: linguistic ecology, language aggression, language behavior, language picture of the world, language values, social environment, interaction, social status of the personality.

ЛОКТИОНОВА НАДЕЖДА МИХАЙЛОВНА — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Ростовского государственного строительного университета (г. Ростов-на-Дону)

LOKTIONOVA NADEZHDA MIKHAILOVNA — Full Doctor of Philology, Professor of Department of Russian language, Rostov State University of Civil Engineering (RSUCE, Rostov-on-Don)

ФОМИНА ОЛЬГА АНАТОЛЬЕВНА — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Ростовского государственного строительного университета (г. Ростов-на-Дону)

FOMINA OL'GA ANATOL'EVNA — Ph.D. (Philology), Associate Professor of Department of Russian language, Rostov State University of Civil Engineering (RSUCE, Rostov-on-Don)

e-mail: nad572@yandex.ru

© Локтионова Н. М., Фомина О. А., 2014